

**Маленькие
женщины**

*Открой же, книжечка, ворвавшись вдруг
В отмеченный веселием досуг,
Все то, что затаила ты в груди,
Благослови всех ищущих в пути, —
И пусть им радость выпадет одна,
Что нам с тобою не была дана.
Начни о Милосердьи разговор —
Оно ведь в странствиях с давно забытых пор —
Пусть встретит юных барышень вдали,
Чтоб мир познали, мудрость обрели.
Направь к Создателю девушек малых сих
Тропой, что помнит легкий шаг святых¹.*

¹ Перевод И. Куберского.

Глава первая

ИГРА В ПИЛИГРИМОВ

— Ну, без подарков и Рождество — не Рождество, — проворчала Джо, растянувшись на ковре перед камином.

— Это так ужасно — быть бедными, — вздохнула Мег, опустив взгляд на подол своего старенького платья.

— А мне кажется, это несправедливо, когда у некоторых девочек так много всяких красивых вещей, а у других совсем ничего, — произнесла маленькая Эми, обиженно шмыгнув носом.

— Зато у нас есть папа и мама, а еще у нас есть... все мы друг у друга, — откликнулась из своего уголка Бет с очень довольным видом.

При этих словах четыре юных лица, озаренные яркими бликами пылавшего в камине огня, просветлели, но тотчас снова омрачились, когда Джо грустно возразила:

— Но ведь сейчас папы с нами нет и долго еще не будет! — Джо не добавила «может быть, никогда», но, как и каждая из сестер, про себя подумала об этом, ведь их отец был теперь очень далеко — там, где шли бои.

С минуту девочки молчали. Потом Мег сказала уже иным тоном:

— А вы знаете, почему мама предложила нам в это Рождество обойтись без подарков? Дело в том, что эта зима будет для всех очень тяжелой, и мама полагает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, когда нашим мужчинам в воюющей армии приходится так страдать. Много мы сделать не можем, но можем принести свои маленькие жертвы, и сделать это надо с радостью. Только я боюсь, что с радостью... у меня не получится. — И Мег покачала головой, с грустью вспомнив о тех чудесных вещах, какие ей так хотелось иметь.

— А вот мне не кажется, что то небольшое, что мы могли бы потратить, пойдет кому-нибудь на пользу. У каждой из нас — всего-то по доллару, и армия не много выиграет, если мы ими пожертву-

ем. Я согласна вовсе не ожидать подарков ни от мамы, ни от вас, но мне так хочется купить себе книжку «Ундина и Синтрам» — я так давно о ней мечтаю! — сказала Джо, которая была настоящим книголюбом.

— А я собиралась на мой доллар купить себе новые ноты, — сказала Бет, тихонько вздохнув, так, что никто ее вдоха не услышал, кроме метелки для каминной плиты и подставки для чайника.

— А мне хочется купить хорошую коробку фаберовских карандашей для рисования, — решительно заявила Эми. — Они мне на самом деле очень нужны.

— Мама совсем ничего не говорила про наши карманные деньги. Она и не захочет, чтобы мы отдали их все. Пусть каждая из нас купит то, что ей нужно, и у нас у всех будет порадостнее на душе. Ведь мы работаем не покладая рук, разве мы этого не заслуживаем? — воскликнула Джо, мужественно — как истый джентльмен — разглядывая набойки на своих башмаках.

— Еще бы мы не заслуживали! Я, например, чуть ли не целый день занимаюсь с моими нудными учениками, когда мне так хочется просто с удовольствием побыть дома! — начала Мег, снова обрета жалобный тон.

— Да тебе и вполтину не так тяжело, как мне, — перебила ее Джо. — Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с нервной, привередливой старой дамой, которая держит тебя на побегушках, вечно всем недовольна и доводит тебя до того, что ты готова выскочить в окно или разреветься?

— Нехорошо жаловаться, но мне, по правде говоря, кажется, что мыть посуду, бороться с пылью, убирать и приводить в порядок дом — самая худшая из всех работ на свете. Она превращает меня в злоку и делает мои пальцы такими негибкими, что я не могу как следует играть даже простые упражнения. — И Бет взглянула на свои огрубевшие руки с таким глубоким вздохом, что на этот раз его услышали все.

— А я ни за что не поверю, что кому-нибудь из вас приходится страдать больше меня! — воскликнула Эми. — Вам же не надо ходить в школу, где наглые девчонки вечно тебе досаждают, если вдруг урока не выучишь, смеются над твоими платьями и клеют на твоего папу за то, что он бедный. А еще — оскорбляют, если у тебя нос не такой уж красивый.

— Если ты хотела сказать «клевежут» на папу, то так бы и говорила. При чем тут «клеят»? Папа ведь не банка с пикулями, чтобы на него наклейки делать! — смеясь, поправила сестру Джо.

— Я сама знаю, что хотела сказать, и незачем тебе делать мне такие *статирические* замечания. Это вполне прилично — использовать в разговоре хорошие слова, и нам надо улучшать свой *во-кибиляр*, — с достоинством парировала Эми.

— Не надо клевать друг друга, девочки. Разве вам не хотелось бы, чтобы у нас были теперь те деньги, что пропали у папы, когда мы были совсем маленькими? А, Джо? Боже мой! Как счастливы мы были бы, как радовались, если бы у нас теперь не было ни забот, ни хлопот! — произнесла Мег, которая помнила их лучшие времена.

— А ты на днях говорила, что мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, потому что они вечно дерутся и задирают друг друга, хотя их семья очень богата.

— Да, Бет, я это говорила. Ну что же, я и правда так думаю. Потому что, хоть нам и приходится работать, мы сами над собой подсмеиваемся, и вообще, мы — очень «веселая шайка славных девах», как выразилась бы Джо.

— Да уж, Джо любит жаргонные словечки, — заметила Эми, бросив неодобрительный взгляд на долговязую фигуру, растянувшуюся на ковре.

Джо тотчас села, сунула руки в карманы и принялась насвистывать.

— Не надо так делать, Джо! Это просто мальчишество!

— Потому-то я так и делаю!

— Терпеть не могу грубых девиц, не умеющих вести себя, как подобает юной леди.

— А я не терплю аффектированных крошек с манерами «футы ну-ты»!

— «Птички в тесном гнездышке не топорщат перышки, мирно живут-ут», — пропела миротворица Бет, скорчив такую смешную рожицу, что сердитые голоса спорщиц смолкли, сменившись смехом, и на этот раз сестры перестали «клевать» друг друга.

— И правда, девочки, — проговорила Мег, приняв строгий тон старшей сестры и явно решив прочесть им нотацию, — вы обе не правы. Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отбросить свои мальчишеские выходки и вести себя как подобает. Все это не имело большого значения, когда ты была маленькой, но теперь, когда ты стала такой высокой и делаешь прическу, подбирая волосы повыше, тебе следует помнить, что ты уже юная леди.

— А вот и нет! Если новая прическа делает меня «юной леди», я буду носить две косы до двадцати лет! — вскричала Джо, срывая

с головы сетку и распуская по плечам пышную гриву каштановых волос. — Мне противна сама мысль, что я взрослею, что должна превратиться в мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть чопорной и прилизанной, как китайская астра в саду! Девчонкой быть само по себе ужасно, когда тебе нравятся мальчишьи игры, занятия, их манера вести себя. Какое разочарование, что я не мальчишка! А теперь мне и того хуже — ведь мне до смерти хочется быть там, где папа, сражаться вместе с ним! Но все, на что я способна, — это сидеть в четырех стенах и вязать носки, словно малахольная старая старуха.

И Джо потрясла недовязанным синим армейским носком так, что спицы заклацали друг о друга, словно кастаньеты, а клубок ниток покатился на другой конец комнаты.

— Бедняжка Джо! Это и в самом деле ужасно, но ведь тут ничем не поможешь. Так что тебе надо попытаться быть довольной хотя бы тем, что ты сделала себе мальчишье имя и взяла на себя роль нашего брата, — сказала Бет, поглаживая растрепанную голову сестры рукой, которую никакое мытье посуды и никакая борьба с пылью не могли лишить способности нежно успокаивать одним прикосновением.

— Что же до тебя, Эми, — продолжала Мег, — ты слишком чопорна и придирчива. Твое высокомерие кажется забавным сейчас, пока ты мала, но ты можешь превратиться в напыщенную маленькую гусыню, если не поостережешься. Мне нравится твоя воспитанность и изысканная манера выражаться, но только не тогда, когда ты пытаешься выглядеть особенно элегантной. Ведь твои нелепые словеса так же неуместны, как жаргонные словечки Джо.

— Если Джо — просто сорванец, а Эми — гусыня, кто же тогда я, по-твоему? Скажи, пожалуйста! — попросила Бет, готовая принять свою порцию выговора.

— А ты — просто прелесть, и больше ничего! — с горячностью откликнулась Мег, и ни у кого не возникло возражений — Мышка была любимицей всей семьи.

Всем юным читателям нравится представлять себе, «как люди выглядят», так что воспользуемся моментом затишья и опишем, хотя бы вкратце, четырех сестер, сидящих в ранних сумерках за вязаньем, ни на миг его не прерывая, тогда как снаружи, за окном, тихо падает декабрьский снег, а внутри, в комнате, весело потрескивает огонь в камине. Комната удобная и приятная, хотя ковер уже выцвел, а мебель очень проста; однако стены украшают две-

три хорошие картины, нишу заполняют полки с книгами, а на окнах цветут хризантемы и красные рождественские розы; здесь царит приятная атмосфера домашнего покоя и уюта.

Маргарет — то есть Мег, старшей из сестер, — уже исполнилось шестнадцать. Она очень хороша — пухленькая и беленькая, большеглазая, с прекрасными светло-каштановыми волосами, с нежным ртом и очень белыми руками, которыми она даже немножко гордится. Пятнадцатилетняя Джо отличается высоким ростом и худобой. Она смугла и напоминает жеребенка: кажется, что она никогда толком не знает, куда девать свои длинные ноги и руки, которые ей вечно мешают. Линия рта у нее решительная, нос — смешной, а серые глаза смотрят пронзительно и, как представляется, видят абсолютно все, и взгляд их бывает то яростным, то веселым, а то задумчивым. Единственной красой Джо надо назвать длинные, густые каштановые волосы, но она всегда небрежно заталкивает их в сетку, чтобы не мешали и никому не попадались на глаза. Джо сутулится, кисти рук и ступни у нее крупные, одежда на ней свободно болтается, и выглядит бедняжка неловкой, неуклюжей, как обычно выглядит девушка, слишком быстро превращающаяся во взрослую женщину и весьма этим недовольная. Элизабет, то есть Бет, как все ее называют, — розовощекая, гладко причесанная, ясноглазая девочка тринадцати лет, застенчивая, с тихим голоском и умиротворенным выражением лица, почти никогда не нарушаемым. Отец называл Бет «маленькая Мисс Спокойствие», и это имя отлично ей подходило, потому что девочка, казалось, живет в своем собственном, полном счастья мирке, из которого решается выйти навстречу только тем, кому верит, тем, кого любит. Эми, хотя и самая младшая из сестер, считается в семье — во всяком случае, по ее собственному мнению — особой самой важной. Настоящая снегурочка — голубоглазая, с золотистыми волосами, волнами спадающими ей на плечи, бледнокожая и изящная, она всегда держит себя как юная леди, не забывающая о хороших манерах.

Каковы характеры четырех сестриц, нам еще предстоит выяснять.

Часы пробили шесть, и Бет, тщательно выметя каминную плиту, поставила на нее пару домашних туфель, чтобы они согрелись. Почему-то вид этих старых туфель подействовал на девочек самым благотворным образом: вот-вот должна была прийти мама, и лица сестер радостно просветлели в ожидании скорой встречи. Мег перестала читать нотации и зажгла лампу. Эми выкарабкалась из глу-

бокого кресла прежде, чем ей об этом напомнили, а Джо забыла о том, как она устала, поднялась и присела к камину, чтобы подержать мамины туфли поближе к пылающему огню.

— Они совсем уже износились. Маменьке нужно купить новые домашние туфли.

— Да, я как раз подумала, не купить ли ей новую пару на мой доллар? — сказала Бет.

— Нет, я сама ей куплю! — крикнула Эми.

— Но ведь я — старшая... — начала было Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

— Сейчас, когда с нами нет папы, я в нашей семье мужчина, и это я обеспечу маму домашними туфлями, ведь папа велел именно мне особенно беречь маму, пока его нет.

— А я скажу вам, что мы сделаем. Пусть каждая из нас подарит маме то, что ей нужно, а мы обойдемся без ничего.

— Бет, милочка, ты — всегда ты! — воскликнула Джо. — Так что же мы купим маме?

Все на минуту погрузились в трезвые размышления. Затем Мег объявила так, будто эту мысль подсказал ей вид собственных белых ручек:

— Я подарю ей хорошенькие перчатки!

— Армейские туфли, самые лучшие! — выпалила Джо.

— Носовые платки, с каймой по краям, — сказала Бет.

— А я куплю ей маленький флакон одеколона. Мама любит одеколон, и он не очень дорогой, так что у меня еще и на карандаши останется, — добавила Эми.

— А как мы будем все это ей дарить? — поинтересовалась Мег.

— Положим все эти вещи на стол, введем маму в комнату и посмотрим, как она станет свертки распаковывать. Разве вы не помните, как мы это делали в наши дни рождения? — ответила Джо.

— А я всегда так трусила, когда приходил мой черед восседать в кресле с короной на голове и смотреть, как вы все входите торжественным шагом и приближаетесь, чтобы вручить мне подарки и поцеловать. Мне нравились подарки и поцелуи, но было так страшно распаковывать свертки, когда вы все сидели и смотрели, как я это делаю, — сказала Бет, готовившая к ужину подсушенные хлебцы: она подрумянивала над огнем ломтики хлеба и — вместе с ними — собственные щеки.

— Только пусть маменька думает, что мы покупаем что-то для самих себя, тогда все это будет для нее сюрпризом. Придется пойти за покупками завтра днем, Мег. Столько всего надо сделать, что-

бы подготовить нашу пьесу к рождественскому вечеру, — сказала Джо, теперь шагавшая взад-вперед по комнате, заложив руки за спину и задрав кверху нос.

— Это будет последнее, что я берусь играть на сцене. Я уже не маленькая — я слишком взрослая для таких игр, — заявила вдруг Мег, которая, однако, оставалась еще достаточно ребенком, чтобы участвовать в веселых играх с переодеванием.

— А я уверена, что не в последний. Ты не перестанешь играть, пока можешь шествовать на виду у всех в длинном белом платье, с рассыпавшимися по плечам волосами и в «драгоценностях» из золотой бумаги. Ты у нас — самая лучшая актриса, и если ты уйдешь со сцены, придет всему конец, — сказала Джо. — Надо сегодня вечером еще порепетировать. Иди-ка сюда, Эми, повторим сцену с обмороком, а то ты в ней неподвижна, как чурбан.

— Что же я могу с этим поделать? Я ведь никогда не видела, как падают в обморок, и вовсе не жажду оказаться вся в синяках, грохаясь плашмя на пол, как это делаешь ты. Если я смогу упасть... слегка — я это сделаю, если нет — я грациозно упаду в кресло. И мне все равно, бросится на меня Хьюго с пистолетом или нет, — ответствовала Эми, не слишком высоко одаренная драматическим талантом, но избранная в актрисы потому, что была мала и злодей игровой пьесы мог легко унести ее, громко вопящую, прочь.

— Тогда сделай вот как. Сложи, как в молитве, руки и, шатаясь, иди по комнате с отчаянным криком: «Родриго, спаси! Родриго, спаси меня!» — И Джо двинулась прочь, с мелодраматическими восклицаниями, которые и правда звучали довольно волнующе.

Эми последовала ее примеру, но выставила перед собой негнущиеся руки и пошла по комнате, как-то механически подергиваясь, будто заводная кукла, а ее охи и ахи звучали так, словно не всаживают булавки, одну за другой, и она кричит не от мучительного страха, а от неожиданных уколов. Джо издала стон отчаяния, Мег рассмеялась, нисколько не скрываясь, а у Бет подгорел ломтик хлеба, пока она с интересом наблюдала эту забавную сцену.

— Бесполезно! — произнесла Джо. — Когда придет время, постарайся сыграть как можно лучше, а если кто-то из зрителей засмеется, я не виновата! Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло вполне гладко, так как дон Педро без сучка без задоринки бросил вызов окружающему миру, хотя вызов этот занял целых две страницы. Ведьма по имени Агарь прохрипела — с судьбоносным результатом — ужасающее заклинание над кипящим котлом, полным отвратительных жаб. Родриго мужественно

разорвал на куски свои тяжкие цепи, а Хьюго, мучимый совестью, выпил мышьяк и умер, с безумным предсмертным «ха-ха-ха!».

— Это наша самая лучшая пьеса из всех, — заключила Мег, когда мертвый злодей принял сидячее положение и потер ушибленные локти.

— Не могу представить, как это у тебя получается — писать и играть такие великолепные вещи, Джо, ты просто настоящий Шекспир! — воскликнула Бет, твердо уверенная, что ее сестры одарены гениальными способностями буквально во всем.

— Ну, не совсем, — скромно отозвалась Джо. — Я и сама думаю, что «Проклятие ведьмы, оперная трагедия» получилась не так уж плохо, но мне хотелось бы поставить «Макбета»; ах, если бы только у нас был люк для появления Банко! Мне всегда хотелось сыграть главную роль в сцене с убийством. «Неужто вижу я кинжал перед собою?» — пробормотала Джо, вращая глазами и водя рукой в воздухе перед собой, как это делал знаменитый трагик, игру которого она недавно видела.

— Нет, это только вилка для подсушивания хлебцев, а на ней, вместо ломтика хлеба, мамина домашняя туфля! Бет просто зачарована театром! — воскликнула Мег, и «репетиция» закончилась общим хохотом.

— Очень рада, что вам так весело, девочки мои, — раздался от двери радостный голос, и актеры и зрители повернулись в ту сторону, с восторгом приветствуя высокую даму с матерински добрым лицом, которому было свойственно выражение «чем-я-могу-вам-помочь?», что придавало ему особое очарование. Одежда миссис Марч не была элегантной, но даже в этой выдавшей виды одежде она выглядела благородной, а девочки считали, что свободное серое пальто и немодная шляпка укрывают самую великолепную женщину на свете.

— Ну, мои дорогие, как вы тут поживали сегодня? У меня было столько работы, что я не смогла прийти домой к обеду, — мы готовили посылки к завтрашней отправке в армию. Кто-нибудь заходил, Бет? Как твоя простуда, Мег? Джо, у тебя ужасно усталый вид! Подойди-ка, поцелуй меня, детка.

Задавая свои вопросы, миссис Марч освобождалась от промокшей одежды. Затем, надев согретые у огня домашние туфли, она опустилась в глубокое кресло, привлекла Эми к себе на колени и была готова насладиться лучшими часами своего до предела загруженного дня. Дочери суетились вокруг, стараясь — каждая по-

своему, — чтобы маме было поудобнее. Мег устанавливала чайный стол, Джо принесла дров и расставляла вокруг стола стулья, то и дело роняя или опрокидывая что-нибудь и громыхая всем, что попадало ей в руки. Бет молча и сосредоточенно сновала то туда, то сюда, из гостиной в кухню и обратно, тогда как Эми сидела сложив ручки и раздавала указания направо и налево.

Когда все уселись вокруг стола, миссис Марч сказала с какой-то особенно светлой улыбкой:

— А у меня есть чем вас угостить. Только после ужина.

По всем лицам солнечным зайчиком пробежала радостная улыбка. Бет захлопала в ладоши, забыв, что держит в руке печенье, а Джо подбросила вверх свою салфетку, вскричав:

— Письмо! Письмо от папы! Нашему папе — троекратное «ура»!

— Да, хорошее, подробное письмо. Папа хорошо себя чувствует и думает, что более благополучно перенесет холодное время года, чем мы опасались. Он шлет нам всем полные любви пожелания к Рождеству, а для вас, девочки, есть особое послание, — сказала миссис Марч, опуская руку в карман с таким видом, точно там находилось величайшее сокровище.

— Поторопимся, девочки! Эми, хватит оттопыривать мизинчик и жеманничать над чашкой! — воскликнула Джо, поперхнувшись чаем и роняя свой хлебец — маслом вниз — на ковер, в нетерпении получить наконец обещанное «угощение».

Бет больше ничего не ела: она тихонько пробралась в свой укромный уголок, чтобы сидеть там и наслаждаться, без помех размышляя о грядущем «угощении», пока сестры готовятся слушать письмо.

— Мне думается, что папа замечательно сделал, отправившись на войну капелланом, раз он оказался слишком стар для призыва и у него не хватает сил быть солдатом, — с горячностью заявила Мег.

— Ох, как бы я хотела пойти барабанщиком, этой, как ее... *vivan*... Или сестрой милосердия — я тогда была бы с папой рядом, могла бы ему помогать, — со стоном произнесла Джо.

— Это, должно быть, ужасно неприятно — спать в палатке, есть всякую невкусную пищу и пить из жестяной кружки, — вздохнула Эми.

— Когда же он вернется домой, маменька? — чуть дрогнувшим голосом спросила Бет.

— Не раньше чем через много месяцев, дорогая, если только не заболит. Он пробудет там столько времени, сколько хватит сил, чтобы делать свою работу. И мы не станем просить о его возвращении ни минутой раньше того, как там смогут без него обойтись. А теперь садитесь-ка поближе и послушайте, что он пишет.

Все перенесли свои стулья поближе к камину, перед которым в глубоком кресле сидела мать; Бет расположилась на ковре у ее ног, Мег и Эми взобрлись на подлокотники мамино кресла, а Джо оперлась на его спинку — там никто не смог бы разглядеть на ее лице никаких эмоций, если бы письму случилось ее растрогать. В те тяжкие времена не слишком много было таких писем, какие не могли бы растрогать их читателей, и особенно трогательными были те, что писали домой отцы; но в этом письме очень мало говорилось о тех лишениях, которые их отцу приходилось переносить, об опасностях, встречавшихся на каждом шагу, о трудно преодолеваемой тоске по дому. Это было веселое, полное надежд письмо, с живописными картинами жизни в лагере, описаниями войсковых переходов и с военными новостями. И только в самом конце письма из переполненного сердца пишущего выплеснулись волны отцовской любви и тоски по его маленьким дочерям, оставшимся дома без него.

«Скажи им, что я люблю их всей душой и нежно целую; что я, при самых трудных обстоятельствах, нахожу глубочайшее утешение в их любви и уважении ко мне. Год ожидания того момента, когда мы снова увидимся, покажется девочкам очень долгим, но напомни им, что, пока мы ждем, мы все можем работать, чтобы эти тяжелые дни не пропали втуне. Я верю: они не забудут ничего из сказанного мною, навсегда останутся для тебя любящими дочерьми, будут свято исполнять свой долг, храбро бороться с „закадычными врагами“, преодолевая себя так успешно, что, когда я вернусь домой, к ним, я стану еще сильнее любить их и гордиться моими маленькими женщинами».

Когда миссис Марч дошла до этой части письма, со всех сторон послышались всхлипывания и шмыганье носом. Джо нисколько не устыдилась большой слезы, скатившейся до самого кончика ее носа, а Эми не побоялась смять свои кудряшки, уткнувшись лицом в маменькино плечо.

— Я ужасная эгоистка, — прорыдала она во всеуслышание. — Но я, честное слово, постараюсь справиться, чтобы папа не успел во мне разочароваться!

— Мы все будем стараться! — вскричала Мег. — Я слишком много думаю о своей внешности и терпеть не могу работу, но я больше не буду так ко всему этому относиться, если только у меня получится!

— А я попробую стать «маленькой женщиной», как папа любит меня называть, а не грубой и необузданной, как мальчишка. И я буду делать все, что надо, дома, а не рваться неизвестно куда, — пообещала Джо, считавшая, что сдерживать свою необузданность дома гораздо труднее, чем схватиться напрямую с парочкой повстанцев-южан.

Бет не промолвила ни слова, только утерла слезы синим армейским носком, за который поспешно взялась, чтобы не терять ни минуты, и вязала, не жалея сил, свято выполняя свой долг — тот, что оказался под рукой. Но молча, в душе своей, она решила стать во всем такой, какой папа надеялся ее увидеть, когда закончившийся год ожидания принесет им всем радостное возвращение отца домой.

Тишину, воцарившуюся после возгласа Джо, нарушил ободряющий голос миссис Марч:

— А вы помните, девочки, как вы, бывало, играли в «Путешествие пилигрима», когда были совсем малышками? Ничто не доставляло вам большего удовольствия, чем упросить меня привязать каждой из вас на спину по мешочку для лоскутов вместо котомки — как тяжелое бремя, дать каждой шляпу и палку и свиток бумаги в руку и отпустить в путешествие по дому — снизу до самого верха, — из подвала, который был Градом Разрушения, до чердака, где вы заранее собрали все, что могли, все самое, по-вашему, прекрасное, чтобы создать себе Небесный Град.

— Как это было интересно! Особенно когда проходили мимо львов, боролись с Аполлионом и шли по долине, где нам встретились проказливые лешие, — сказала Джо.

— А мне нравилось то место, где наши котомки сваливались с плеч и кувыркались вниз по лестнице, — призналась Мег.

— А я мало что помню из нашей игры — только что ужасно боялась подвала и темного входа, но очень любила кекс с молоком, который нам давали на самом верху. Не будь я слишком взрослой для таких забав, я с удовольствием сыграла бы в пилигримов снова, — сказала Эми, которая начала заявлять, что отказывается от детских забав, достигнув весьма зрелого — двенадцатилетнего — возраста.

— Мы никогда не станем слишком взрослыми для этого, моя милая. Ведь мы постоянно так или иначе играем в эту игру. Бремя наше всегда при нас, наша дорога лежит перед нами, и стремление к счастью и добру поведет нас через все беды и ошибки к душевному покою, который и есть истинный Град Небесный. Так что теперь, мои маленькие пилигримы, может быть, начнем все сначала — уже не играючи, а всерьез — и посмотрим, как далеко мы успеем продвинуться до папиного возвращения.

— А если на самом деле, маменька, то где же наши бремена? — спросила Эми. Она все понимала совершенно буквально, эта юная леди.

— Каждая из вас только что рассказала нам о своем бремени, кроме Бет. Можно подумать, что у нее вовсе нет никакого бремени, — заметила миссис Марч.

— Конечно есть. Мое бремя — грязные тарелки и пыльные тряпки и зависть к девочкам, у которых есть хорошее фортепьяно, а еще то, что я страшусь людей.

Бремя Бет показалось всем таким забавным, что сестры чуть было не рассмеялись, но удержались, понимая, что могут сильно оскорбить чувства Бет.

— Тогда будем играть, — задумчиво произнесла Мег. — Это ведь просто другое название для наших стараний быть хорошими и добрыми, а эта история поможет нам, потому что, хотя мы сами очень хотим быть такими, это тяжелый труд, и мы порой забываемся и не так уж усердствуем.

— Сегодня вечером мы погружались в Топь Уныния, а мама явилась и, словно Помощь в той книге, вытащила нас из Топи. Нам надо бы иметь при себе свиток с указаниями, как идти, такой ведь был у Христианина. Как с этим быть? — спросила Джо, восхищенная тем, что давняя аллегория придает некоторую романтичность скучной обязанности выполнять долг.

— Загляните к себе под подушки в рождественское утро, и каждая найдет там свой путеводитель, — ответила миссис Марч.

Пока старая Ханна убирала со стола, сестры обсуждали свой новый план. Затем девочки взялись за рабочие корзинки, и иголки замелькали вовсю — сестры шили простыни для тетюшки Марч. В таком шитье не было ничего интересного, но сегодня никто из них и не думал ворчать. План Джо — поделить длинные швы на четыре части и назвать эти части Европой, Африкой, Азией и Америкой — был всеми одобрен, так что благодаря этому работа пре-

восходно продвигалась вперед, особенно когда, стежок за стежком прокладывая свой путь через эти разные страны, девочки говорили о них.

В девять часов они перестали работать и, как обычно, немного поспали перед тем, как отправиться спать. Никто, кроме Бет, не смог бы извлечь хоть сколько-то нот из старенького пианино, но у Мышки был какой-то свой подход к его пожелтевшим клавишам, и, касаясь их мягко и нежно, она умела создать вполне приятный аккомпанемент к простеньким песенкам, которые пели сестры. Голос Мег звучал подобно флейте, и — вместе с матерью — она вела их маленький хор. Эми стрекотала, как сверчок, а Джо бродила по мелодии как заблагорассудится, издавая порой что-то вроде карканья или громкий дрожащий звук в самом неподходящем месте, портя самую печальную мелодию. Они всегда пели, начиная с того времени, когда едва могли выговорить: «Итйй, итйй, вёдока...», то есть «Мерцай, мерцай, звездочка...», и это вошло у них в обычай, стало домашней традицией — ведь их мать была прирожденной певицей. Первым звуком, какой утром слышали девочки, был голос матери, заливавшейся, словно жаворонок, проходя по дому, а последним — тот же радующий их голос, так как они никогда не чувствовали себя слишком взрослыми для хорошо им знакомой колыбельной.

Глава вторая

ВЕСЕЛОЕ РОЖДЕСТВО

Джо пробудилась еще на серенькой заре рождественского утра — раньше всех. У камина не висел ни один чулок. На миг она почувствовала такое же сильное разочарование, какое испытала, когда ее маленький чулочек упал оттого, что был доверху набит всякими лакомствами. Тут она вспомнила мамино обещание и, сунув руку под подушку, вытащила небольшой томик в темно-красной обложке. Джо прекрасно знала эту книгу, ибо перед ней была та прелесть старинная сказка о самой праведной жизни, какую кто-либо когда-либо прожил, и Джо почувствовала, что лучшего путешественника для любого пилигрима, отправляющегося в долгое путешествие, просто быть не может. Она разбудила Мег возгласом «С веселым Рождеством!» и предложила ей сразу заглянуть

под подушку. Оттуда появился томик в зеленой обложке с такой же картинкой под нею и несколькими словами, написанными маминой рукой, что придавало каждому подарку особую ценность в глазах девочек. Вскоре проснулись Бет и Эми, сразу нашарившие у себя под подушками такие же томики — один сизого, другой голубого цвета, и все четверо сидели, рассматривая и обсуждая свои книжки, до тех пор, пока наступающий день не окрасил восток в розовые тона.

Хотя Маргарет и тщеславилась — совсем немножко! — своей внешностью, она по натуре была девочкой милой и набожной, что очень влияло на ее сестер, впрочем, сами они этого не сознавали. Особенно ее влияние сказывалось на Джо, нежно ее любившей и принимавшей ее советы — ведь они давались так мягко!

— Девочки, — заговорила Мег очень серьезно, подняв глаза от растрепанной головы на кровати подле нее и посмотрев на две головы поменьше, в ночных чепчиках, которые были видны через открытую дверь соседней комнаты, — мама хочет, чтобы мы прочли эту книгу, полюбили ее и следовали ей в жизни. Надо начать сейчас же. Мы и так старались быть ее верными последователями, но с тех пор, как папа уехал, все эти беды, вызванные войной, выбили нас из колеи, и мы стали ко многим вещам относиться спустя рукава. Конечно, вы можете поступить, как вам захочется, но я положу ее на столик у кровати и каждое утро, как проснусь, буду читать понемножку, потому что уверена: это пойдет мне на пользу и поможет прожить наступивший день.

И Мег открыла свой томик и принялась читать. Джо, одной рукой обняв сестру и прижавшись к ней щека к щеке, тоже читала, и на ее лице воцарилось выражение спокойствия, так редко посещавшее эту возбужденную физиономию.

— Какая умница Мег! Ну-ка, Эми, давай и мы сделаем то же самое. Я помогу тебе с трудными словами, а сестры объяснят нам то, чего мы не поймем, — прошептала Бет, на которую красивые томики и пример старших сестер произвели большое впечатление.

— А я рада, что моя книжка — голубая! — заявила Эми, и тут обе комнаты погрузились в тишину: слышался лишь шелест осторожно переворачиваемых страниц, пока лучи зимнего солнца тихонько подкрадывались к девочкам, чтобы, поздравляя с Рождеством, коснуться их светлых головок и серьезных лиц.

— А где же мама? — спросила Мег, когда через полчаса они с Джо спустились вниз — поблагодарить маму за подарки.

— Да кто ж теперь знает?! Какой-то бедолага возьми да и постучись, помощи попросивши, дак ваша матушка, ничуть не задумавши, враз и пошла за ним глянуть, чего им там надобно. Нет и не было другой такой женщины, чтоб, не задумавши, отдавать еду и питье и одежду всякую и дровишки, — отвечала Ханна, прожившая в этой семье с самого рождения Мег и давно воспринимавшаяся всеми ими скорее как друг, а не как служанка.

— Думаю, мама быстро вернется, так что можете печь ваше печенье и все приготовить, — сказала Мег, оглядывая подарки, сложенные в корзинку и упрятанные под диван в ожидании того момента, когда их можно будет преподнести. — Ой, а где же флакончик одеколona — подарок от Эми?! — удивилась она, не увидев маленькой бутылочки.

— Так Эми сама забрала его минуту назад и пошла наверх — бантик привязать или еще что-то такое, что ей в голову пришло, — сказала Джо, которая ходила приплясывая по всей комнате, чтобы размять пока еще жестковатые домашние туфли, купленные в армейском магазине.

— А мои носовые платки выглядят очень мило, правда? Ханна их для меня постирала и погладила, и я сама вышила на них метки, — сказала Бет, с гордостью поглядывая на кривоватые буковки, стоившие ей изрядного труда.

— Вот тебе и на! Наша деточка взяла да и вышила на платках «Мама» вместо «М. Марч». Ну и смех! — воскликнула Джо, взяв в руку один из платков.

— А разве это неправильно? Я подумала, что так лучше, ведь у Мег точно такие же инициалы — М. М., и мне вовсе не хочется, чтобы кто-то ими пользовался, кроме маменьки, — объяснила Бет, выглядевшая очень встревоженной.

— Все правильно, моя дорогая, очень хорошая мысль, к тому же вполне разумная, ведь теперь уже никто никогда не ошибется. И я уверена, это доставит маме большое удовольствие, — утешила сестру Мег и, нахмурившись, посмотрела на Джо, но тотчас же одарила улыбкой Бет.

— Мама идет! Прячем корзинку! Быстро! — крикнула Джо, услышав, как хлопнула входная дверь и в передней зазвучали шаги. Но в комнату поспешно вошла Эми в пальто и капоре и совсем сконфузилась, увидев, что сестры ее ждут.

— Где же ты была и что прячешь за спиной? — спросила ее Мег, удивленная, что лентяйка Эми так рано выходила из дома.

— Только не смейся надо мной, Джо! Мне просто не хотелось, чтобы кто-то узнал об этом раньше времени. Я просто решила поменять маленький флакон на большой и отдала за него все свои деньги. Я по правде стараюсь не быть эгоисткой... — Говоря это, Эми показала сестрам большой красивый флакон, заменивший маленький и дешевый, и выглядела она такой смиренной и серьезной в этом усилии отрешиться от себя самой, что Мег сразу бросилась ее обнимать, а Джо объявила, что Эми — «славный малый». Бет же подбежала к окну и выбрала самую лучшую из своих роз, чтобы еще украсить и без того великолепный флакон.

— Понимаете, после того как мы утром почитали эту книгу и поговорили о том, что надо быть добрыми и хорошими, мне вдруг стало так стыдно за мой подарок, что я, как только встала, побежала за угол и поменяла флакон, и теперь очень рада, потому что мой подарок — самый красивый из всех!

Новый хлопок входной двери отправил корзинку обратно под диван, а жаждущих завтрака девочек — к столу.

— С веселым Рождеством, маменька! И еще много-много лет весело встречать Рождество! Спасибо за книжки. Мы уже немножко почитали и будем читать каждый день! — вскричали все девочки хором.

— С веселым Рождеством, доченьки! Я рада, что вы сразу начали, и надеюсь, продолжите. Но хочу сказать вам словцо перед тем, как мы все усядемся за завтрак. Совсем недалеко от нас лежит бедная женщина с новорожденным младенцем. Шестеро других детей забились в одну постель, чтобы не замерзнуть до смерти, так как топлива у них нет. Им там нечего есть, и старший мальчик пришел и рассказал мне, как они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы согласны отдать им свой завтрак как подарок к Рождеству?

Все четверо к этому времени ужасно проголодались, ведь они прождали почти целый час, и сначала никто не промолвил ни слова. Однако молчание длилось всего с минуту — только одну минуту, — прежде чем Джо категорическим тоном воскликнула:

— Как хорошо, маменька, что вы вернулись до того, как мы начали!

— А можно мне пойти с вами и помочь нести то, что нужно для этих бедных детишек? — тотчас спросила Бет.

— А я отнесу им сливки и сдобные булочки, — заявила Эми, героически отказываясь от того, что больше всего любила.

Мег уже укрывала гречневые оладьи салфеткой и укладывала ломтики хлеба в одну большую тарелку.

— Я так и думала, что вы все согласитесь, — сказала миссис Марч с довольной улыбкой. — Вы все пойдете со мной и поможете мне, а когда мы вернемся, мы позавтракаем хлебом с маслом и молоком, а рождественский завтрак компенсируем за обедом.

Очень скоро все было готово, и в путь отправилась целая процессия. К счастью, было еще рано, они шли задворками, проходившие почти не встречались, и некому было подсмеиваться над этой странной компанией.

Какой же бедной, пустой и жалкой предстала их глазам эта убогая комната! Битые стекла окон, никакого огня, постели в лохмотьях, больная мать с вопящим младенцем и группа бледных, голодных малышей, сгрудившихся под одним ветхим стеганым одеялом в попытках согреться.

Как пристально уставились на пришедших огромные глаза, как улыбались им посиневшие от холода губы...

— *Ach, mein Gott!*¹ Это добрый ангели приходить к нам, — проговорила несчастная женщина, плача от радости.

— Странные ангелы — в капорах и варежках, — откликнулась на это Джо, заставив всех рассмеяться.

Через несколько минут все выглядело так, будто тут поработали добрые духи. Ханна, принеся дрова, растопила камин и заткнула дыры в битых оконных стеклах старыми шляпами и собственным пальто. Миссис Марч напоила бедную мать чаем, дала ей овсяной каши и утешила обещанием помочь, а сама тем временем перепеленала малышку так нежно, словно она — ее собственная. Между тем девочки усадили ребятишек у огня и кормили их, словно голодных птенцов, разговаривая, смеясь и пытаясь понять их забавный ломаный английский.

— *Das ist gut! Die Engel-Kinder!*² — повторяли бедняги, уплетая еду за обе щеки и грея покрасневшие руки у хорошо разгоревшегося камина. Девочек еще никто никогда не называл ангелочками, и это пришлось им вполне по душе, особенно Джо, которую чуть ли не с самого рождения прозывали Санчо. Завтрак получился очень радостным, хотя сестрам не досталось ни кусочка. А когда они ушли, оставив после себя тепло и покой, мне думается, во всем городе не нашлось бы четырех людей, радовавшихся больше, чем

¹ Ах, Боже мой! (нем.)

² Это хорошо! Дети-ангелочки! (нем.)

эти голодные девочки, которые отдали другим свой праздничный завтрак и удовольствовались в рождественское утро горячим мо-локом с бутербродами.

— Вот это и значит — возлюбить ближнего больше самих себя, и мне это нравится, — сказала Мег, когда они принялись выстав-лять на стол подарки для мамы, пока сама мама собирала наверху одежду для несчастного семейства фрау Хаммель.

Нельзя сказать, что выставка подарков выглядела так уж ве-ликолепно, но в маленькие свертки было вложено столько любви, а высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и спу-скающимися из нее гибкими зелеными лозами, поставленная по-середине, придавала столу вполне элегантный вид.

— Мама идет! Играй, Бет! Эми, распахни дверь! Троекратное «ура» маменьке! — кричала Джо, носясь по комнате, пока Мег шла к двери, чтобы встретить и провести маму к почетному месту.

Бет заиграла свой самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег с величайшим достоинством изобразила почетный эскорт. Миссис Марч была поражена и растрогана; улыбаясь, с увлажнив-шимися глазами, она разглядывала подарки и читала приложен-ные к ним записочки. Домашние туфли немедленно оказались у нее на ногах, новый платок, обильно смоченный одеколоном Эми, от-правился в мамин карман, роза была приколота у нее на груди, а про прелестные новые перчатки мама объявила, что они совер-шенно впору.

Сколько было смеха, поцелуев и объяснений, все дышало таким простодушием и такой любовью, благодаря которой эти домашние праздники бывают всегда так хороши, когда проводятся и долго-долго с нежностью вспоминаются потом.

Вскоре все взялось за работу. Утренняя благотворительность и праздничные церемонии заняли столько времени, что всю остав-шуюся часть дня следовало посвятить подготовке вечернего празд-нества. Девочки были еще недостаточно взрослыми, чтобы часто бывать в театре, а семья недостаточно богата, чтобы позволить сколько-нибудь большие траты на домашние спектакли, поэтому сестрам приходилось изрядно ломать головы, занимаясь изобре-тательством. Как известно, голь на выдумки хитра, и сестры сами делали все то, что надобно для представления. Некоторые из их поделок были очень хитроумны: картонные гитары, старомодные соусники, обернутые в серебряную бумагу и превращенные в ста-ринные светильники, великолепные одеяния из старого ситца, сверкающие жестяными украшениями из консервных банок для

пикулей, и доспехи со столь же полезными ромбовидными кусочками блестящей прокладки, облекающей внутренность консервной банки и остающейся целой, когда с банки срезаются крышки. Самая большая комната в доме становилась сценой многих вполне невинных, но буйных увеселений.

Мужчины на эти увеселения не допускались, так что Джо могла играть мужские роли, сколько душе угодно, и получала особое удовлетворение, надевая желтовато-коричневые кожаные мужские сапоги, подаренные ей подругой, которая была знакома с дамой, которая была знакома с актером. Эти сапоги да иссеченный разрезами дублет, когда-то использованный неким художником для какой-то картины, были основными сокровищами Джо во всех спектаклях. Малочисленность труппы вынуждала каждого из двух главных актеров брать на себя по несколько ролей, и они несомненно заслуживают уважения за тяжелый труд, какой выпадал на их долю, когда приходилось заучивать три или четыре разные партии одновременно и то и дело быстро снимать и надевать то один костюм, то другой, да еще режиссировать спектакль. Домашние спектакли служили отличной тренировкой памяти, безвредным развлечением, и на их подготовку уходило много часов, которые в ином случае проводились бы в праздности, одиночестве или менее полезном обществe.

В рождественский вечер чуть больше десятка девиц взгрозились на кровать, игравшую здесь роль бельэтажа. Они сидели перед голубым с желтыми узорами занавесом из мебельного ситца в самом лестном для актеров расположении духа — в нетерпеливом ожидании. Из-за занавеса до них долетали бесчисленные звуки приглушенного шепота и шуршания, слабый дымок от светильников и порой возбужденное хихиканье Эми, которой было свойственно в такие моменты впадать в истерику. Но вот половинки занавеса разошлись, и «оперная трагедия» началась.

Единственная программка сообщала, что на сцене «мрачный лес». Он был представлен несколькими кустиками в горшках, зеленой бязью на полу и пещерой на заднем плане. Сводами пещеры служили рамы для сушки белья, а комоды стали ее стенами; в пещере была небольшая жаровня, в которой пылал огонь, а на огне стоял черный котел, и над ним склонялась старая ведьма. На сцене царил мрак, мерцание огня создавало прекрасный эффект, особенно в тот момент, когда из котла стал клубиться настоящий пар, как только ведьма Агарь сняла с него крышку. Публике дали минуту, чтобы улеглось первое волнение. Позвякивая мечом на бо-

ку, в лес решительными шагами вошел чернобородый злодей Хьюго. На злодее была мягкая шляпа с опущенными вниз широкими полями, совершенно невероятный плащ и те самые сапоги. Походив взад-вперед по лесу в сильном возбуждении, Хьюго ударил себя по лбу и вдруг разразился яростной арией, признаваясь в своей ненависти к Родриго, в своей любви к Заре и в своем милом сердцу решении убить одного и завоевать другую. Злобный тон и хриплый голос Хьюго, переходивший порою в крик, когда чувства брали над злодеем верх, произвели сильное впечатление на слушателей, и как только он смолк, чтобы набрать в грудь воздуха, раздались бурные аплодисменты. Поклонившись с видом человека, давно привыкшего к восторгам публики, он прокрался к пещере и командным тоном приказал Агари выйти к нему:

— Эй, ты, красотка! Выходи! Ты мне нужна!

И вышла Мег со свисающими на лицо седыми прядями из конского волоса, в черно-красном одеянии, с посохом в руке и кабалистическими знаками на плаще. Хьюго потребовал у нее противного зелья, чтобы заставить Зару его полюбить, и еще одного — чтобы уничтожить Родриго. Агарь в прелестной, полной драматизма арии обещала сделать и то и другое и принялась вызывать духа, который должен доставить ей любовный напиток:

Эльф воздушный, прилетай,
Дом свой тайный покидай,
Ты ведь розами рожден,
Утренней росой впоен,
Сможешь ли мне то сварить,
Чем любовь приворожить?
Ароматный твой нектар
Мне неси скорее в дар,
Сладкий, крепкий, всех чудесней!
Эльф, ответь на эту песню!

Тут послышалась тихая музыка, и в глубине пещеры появилась маленькая фигурка в чем-то облачно-белом с поблескивающими крылышками, золотыми волосами и венком из роз на голове. Помахивая волшебной палочкой, она запела:

Я по зову прямому
Прилетаю из дома
С серебристой далекой луны.
Ты используй напиток
Не во вред, не в убыток,
Иль все чары иссякнут должны.

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ	5
ЮНЫЕ ЖЕНЫ	267
Примечания. <i>И. Бессмертная</i>	551

Олкотт Л. М.

О 54 Малое собрание сочинений / Луиза Мэй Олкотт ; пер. с англ. И. Бессмертной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-389-20762-2

«Маленькие женщины» и «Юные жены» — известнейшие романы американской писательницы Луизы Мэй Олкотт. Впервые опубликованные в 1868 году, «Маленькие женщины» завоевали любовь читателей по всему миру, были переведены более чем на 50 языков и положены в основу многих фильмов и театральных постановок. В этом чудесном романе рассказана история четырех дружных, непохожих друг на друга сестер: романтической Мег, взбалмошной Джо, тихони Бет и своенравной Эми. Вместе с матерью дожидаясь возвращения отца с войны, девочки проходят непростой путь взросления, на котором им встречаются лишения и награды, смертельные опасности и бескорыстная помощь, ложные ориентиры и настоящие друзья.

В «Юных женах» действие происходит спустя три года после событий, описанных в предыдущей части. Очаровательные девочки семейства Марч незаметно превратились в изысканных леди, Впрочем не потеряв при этом ни крупинки своего очарования. Теперь, покинув уютную страну детства, они должны вступить в необозримое, неизведанное пространство взрослой жизни.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ЛУИЗА МЭЙ ОЛКОТТ
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Татьяна Бородулина, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.01.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AMS-29666-01-R